

го прошлого Николай Порфирьевич никогда не скрывал. И, казалось, оно никого не интересовало... до 1937 года.

О том, что ожидало семью Гориных после этого памятного года, вы прочитаете в воспоминаниях младшего сына Николая Порфирьевича – Николая Николаевича. Из этого рассказа как будто бы следует, что роковую роль в судьбе Николая Порфирьевича сыграли игрушки сына – стреляные гильзы, которые нашли при обыске в квартире Гориных сотрудники НКВД. В перечне изъятых вещей они действительно числились, но в ходе допросов о них не упоминалось. Сценарий следствия был написан заранее. Начальник IV отделения Управления государственной безопасности Свердловской области Д. М. Варшавский, подписавший постановление об аресте Николая Порфирьевича и в свою очередь арестованный в феврале 1939 года, признавался: «Аресты по одному только признаку принадлежности в прошлом к партии эсеров или меньшевиков, без наличия материалов о проводимой антисоветской работе, я санкционировал. За эти мои преступления в части незаконных арестов я несу полную ответственность перед партией и советской властью».

В руководстве подпольной эсеровской организации Николай Порфирьевич себя виновным признал. Возможно, его, как и 24 тысячи других арестованных уральцев, убедили в том, что показания нужны в интересах советской власти и что за преступления, изложенные в этих показаниях, привлекать к ответственности никого не будут...



Н. Н. Горин

ОДИННАДЦАТЬ СТРЕЛЯНЫХ ГИЛЬЗ

Все, события, связанные с арестом отца¹, – шестидесятилетней давности! – хранятся в моей памяти, будто кадры документального кино. Я смотрю этот фильм снова и снова, теперь уже не наивным и перепуганным мальчишкой, а как проживший долгую жизнь человек...

За окном зимняя ночь в Свердловске. По нашей очень просторной, по тем временам, квартире уверенно, как хозяева, двигаются два человека в военной форме. Идет обыск. На середине комнаты на стуле сидит понятая – соседка. Ее испуганное лицо выражает сочувствие и жалость. Мать² спокойна. Наверное, она была заранее готова к такому повороту жизни и не дает себе расслабляться – надо подавать пример сыновьям. Более или менее спокойны и мы с братом, хотя предчувствие чего-то значительного и непонятного навалилось на все мое детское существо, сдавливая душу страшной тяжестью.

Шел февраль 1938 года. В стране бушевала «ежовщина». Людей увозили в НКВД, и там они, как в «черной дыре», исчезали на долгие годы, а большинство – навсегда. Родные, если и их не подбирала страшная репрессивная машина, не имели права знать, за что забрали близкого человека, какова его дальнейшая судьба. Страшное было время. Но по каким-то еще не раскрытым законам природы совсем рядом со

¹ Н. П. Горин был арестован 21 февраля 1938 года (здесь и далее – комментарии В. А. Мазур. – Ред.).

² Жена Николая Порфирьевича Горина – Валентина Владимировна Падучева-Горина (1892–1957).



Проректор по учебной работе Н. П. Горин (первый ряд, 1-й слева) и председатель Госплана РСФСР А. М. Лежава (первый ряд, 2-й слева) среди преподавателей Уральского университета. С фотографии 1924 г.

злом и почти мистическим страхом существовали бурная радость и ликование. Ликование по поводу героических дел летчиков и полярников; восторг, вызванный трудовыми подвигами шахтеров и ткачих; неистовая любовь к армии, НКВД и, конечно, Великому Вождю. Вместо привычных для России ярмарочных гуляний и престольных праздников образовались обязательные для всех людей шествия мимо трибун с главными или местными партийными вождями. В этом случае народное ликование было беспредельным. Вместо традиционных сборов в церквях, где прихожане мысленно соединялись на основе высоконравственной христианской идеологии и пытались очистить душу от суетного и злого, существовали партийные, профсоюзные и прочие собрания, на которых помимо производственных вопросов выражалась всеобщая радость успехами партии и жгучая любовь, нет, не к ближнему своему, а к кремлевским руководителям и особенно к Великому Вождю. Здесь же кипела ненависть к «врагам народа». В этом близком соседстве страха и ликования было что-то похожее на физические закономерности, по которым отрицательный электрический заряд обязательно соседствует с положительным, а северный магнитный полюс – с южным.

В такой обстановке маме не так сложно было предвидеть арест отца. Более того, впоследствии она скажет, что нам повезло, поскольку «взяли одного отца», а ее оставили на свободе. Рядом с неумолимо тяжелой поступью жизненных событий витала наивная легкокрылая надежда. Вначале мама надеялась, что действия НКВД не заденут нашу семью. Затем она была уверена, что отца отправят в лагерь или ссылку и ее задачей будет продержаться какие-то годы и поднять ребят, дать им образование, убедить в полной невиновности отца. Но реальная жизнь пошла по иному сценарию.

Так или иначе мать была спокойна и взволновалась только один раз, когда, заглянув в ящик моего стола, деятели в военной форме обрадованно выгреб-

ли одиннадцать стреляных гильз от трехлинейки. Она просила занести в протокол место, где они хранились³, справедливо утверждая, что отец ничего не знает об их существовании. Он и не мог знать об этом моем сугубо личном деле. В те времена среди подростков существовала игра в бабки. Бабки – кости от какого-то сустава некрупного животного. Их выстраивали на земле парами – «гурами» и специальной бабкой – битой, часто для тяжести залитой свинцом, с некоторого расстояния пытались разбить этот строй. Мне везло, я наиграл кучу бабок и большую их часть превратил в уличную мальчишескую валюту – злосчастные гильзы. Как я мог предполагать, что они станут важным вещественным доказательством в обвинении отца?

Еще раз деятели обрадовались, увидев на стене отличную бельгийскую папину двустолку. До сего времени затрудняюсь, к чему отнести их оживление: к самому «вещдоку» или к возможности безнаказанно пожить за чужой счет. Надо сказать, что обыск велся поверхностно, быстро и бессистемно. Прошли по четырем большим уставленным мебелью комнатам, заглянув только в ящики столов, шкафов и буфета. Не глядя, миновали кухню и полки с многочисленными отцовскими книгами. Когда они ушли, мать сразу сказала: «Они знали, что искать у нас нечего, поэтому отца арестовали днем, а с обыском пожаловали ночью. Да мы бы за вечер все уничтожили или унесли, если бы было что». Впоследствии это полностью подтвердилось.

Но пока в моей памяти все еще прокручиваются картины обыска: два молодых человека, постарше – с двумя кубиками в петлицах и помоложе – с одним кубиком, неторопливо и небрежно роются в наших вещах. Ни тени жалости или сочувствия на казенных физиономиях. Тот, что моложе, с явным любопытством осматривает нашу квартиру с уникальной мебелью, унаследованной мамой от ее далеких предков – богатых и известных на Урале золотопромышленников⁴. Этот парень, видимо, только начинал карьеру и после родной деревенской обстановки не привык еще к богатой благоустроенности некоторых городских квартир. Его старший коллега с самого начала принял вид сосредоточенной важности и начальственной отдаленности. Это он приезжал к нам еще днем. В школу я в тот день не ходил – болел. Находился дома и отец – в институте не было лекций⁵. Отсутствовали мама и брат. Тогда, днем, человек с двумя кубиками был одет в штатское. Он предложил отцу проехать в управление НКВД на часик-два – автомобиль ждал на улице. «Нет, ни полотенца, ни зубной щетки брать не надо, вас быстро привезут обратно». Уже одетый в шубу, направляясь к дверям, отец крепко обнял меня за шею и очень глубоко и пронзительно посмотрел в глаза. Он явно не верил в «часик-два». А я сел у окна, стал ждать маму и почему-то мелко дрожал, не знаю, по болезни или от ужаса надвинувшихся событий.

Мама шла по двору, и на ее лице была улыбка. Несколько шагов отделяло ее от страшного известия, и от этого мне становилось еще хуже.

Потом началась новая жизнь – без отца, она во всех отношениях была хуже. Сперва разрешили две-три передачи в тюрьму. Затем двери НКВД для

³ Просьба выполнена не была.

⁴ Предками Валентины Владимировны Падучевой-Гориной были купцы-золотопромышленники Аникий Терентьевич Рязанов и Степан Иванович Баландин; ее дед, Иван Диомидович Баландин, владел паями компании, эксплуатировавшей в конце XIX века золотые прииски в Иркутской губернии.

⁵ В 1938 году Н. П. Горин работал в Уральском индустриальном институте.

нас были плотно, на годы закрыты, а судьба отца оставалась тайной, узнать которую было не только невозможно, но и вслух говорить об этом страшно. Мама, моя умная мама, как и многие вначале, считала, что во всем виноваты местные чекисты. Мы с ней вдвоем (меня она брала «на счастье») отправили несколько писем самому Великому Вождю. Письма эти отправлялись непосредственно с Главпочтамта или почтовым вагоном проходящего московского поезда. Можно было бы с не меньшим успехом бросать их в око единственного в городе общественного сортира. Моя детская память долго хранила фамилии обоих специалистов, поставивших свои подписи под протоколом обыска, наивно надеясь на встречу с ними, «когда стану большим».

Отец работал в институтах Свердловска: был проректором университета⁶, заведовал кафедрой в горном, читал лекции в индустриальном⁷. Как сейчас пишут университетские историографы, был любимцем студентов. Старший сын в семье учителя и поповны, он родился в большом селе Комарово Пермской губернии. Получил математическое образование в Казанском университете, блестяще окончив там адъюнктуру в 1916 году⁸.

Передовая молодежь того неспокойного времени бурлила, торопя революционные события. Отец состоял в партии левых эсеров⁹ и, благодаря своим способностям и ораторскому дару, занимал видное место среди местных эсеров¹⁰. Так в горячие дни 1917 года он оказался в Питере, где на сходке уральского землячества встретился с мамой – слушательницей Бестужевских курсов, тоже активисткой революционного движения. Это был союз людей не только по влечению сердец, но и на основе общности жизненных убеждений. Глубокое взаимное уважение было главным в их отношениях всю жизнь. Какое-то время, пока большевики и левые эсеры были заодно, папа работал в ВСНХ, и они жили в Москве. После так называемого левозсеровского мятежа отец и мать перебрались на мамину родину, в Екатеринбург, где и отец ранее провел несколько месяцев на военной службе, будучи призван в армию после окончания университета¹¹. Здесь организовывался свой Уральский университет и требовались способные математики. Образовалась стабильная и обеспеченная семья, соединенная теперь уже не только взаимной привязанностью и общим мировоззрением, но и двумя подрастающими сыновьями¹².

Мой дед, мамин отец, был известным в городе врачом¹³, а ее предки по бабушкиной линии – еще более известными богачами. Простые старожилы –

⁶ Н. П. Горин был проректором по учебной работе Уральского университета в 1921–1925 годах.

⁷ Н. П. Горин заведовал кафедрами математики Уральского индустриального института (1934–1938) и Свердловского педагогического института (1931–1932).

⁸ В 1916 году ученый совет Казанского университета удостоил выпускника физико-математического факультета Н. П. Горина золотой медали за работу «Теория фокусов конических сечений и поверхностей второго порядка».

⁹ Н. П. Горин вступил в партию эсеров в марте 1917 года.

¹⁰ В 1917 году Н. П. Горин был членом Пермского губернского комитета партии эсеров.

¹¹ В 1916–1917 годы Н. П. Горин в чине прапорщика проходил службу в 124-м пехотном запасном полку.

¹² Сыновья Николая Порфирьевича Горина: Владимир, 1923 года рождения, в будущем инженер Челябинского трубопрокатного завода; Николай, 1925 года рождения, в будущем кандидат технических наук, научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института инженеров железнодорожного транспорта, автор данных воспоминаний.

¹³ Владимир Александрович Падучев (1859–1919), главный врач Екатеринбургской городской больницы (1889–1919), гласный Екатеринбургской городской думы (1888–1917), член Уральского



Профессор Н. П. Горин (сидит, 4-й слева) среди лучших студентов Уральского университета. Именно эти студенты ходатайствовали перед директором университета о премировании Н. П. Горина. С фотографии 1933 г.

кержаки, как их здесь называли, поднялись на волне открытий золота начала XIX века. Существовало убеждение, что в нашей семье действует «фарт» – везение на золото. В XX веке проверить эту версию не удалось – никто из потомков не занимался золотоискательством. Дед, врач, умер в 1919 году, заразившись тифом, и мама получила наследство, которое помогало сводить концы с концами. Жене «врага народа» было не просто устроиться на работу.

Надо сказать, что еще в начале 20-х годов отец полностью бросил революционные увлечения молодости. Его жизнь заполнили математика и студенты. К пережитым тогда событиям он относился с иронией, в отличие от мамы, у которой преобладал романтический взгляд на прошлые дела. К большевистским же преобразованиям они оба относились очень скептически, но не враждебно.

Странное дело, не существовало ни одного документа, утверждающего вину отца или меру наказания. Не было и никаких жизненных фактов, бросающих тень на его репутацию благонадежного обывателя, законопослушного коллеги и соседа. Но все твердо знали – раз человек исчез в НКВД, значит, он точно «враг народа», а мы соответственно семья «врага народа».

общества любителей естествознания, один из учредителей и почетный член Уральского медицинского общества. Под руководством В. А. Падучева в Екатеринбургской городской больнице были организованы хирургическое, инфекционное и психиатрическое отделения; открылись аптека с лабораторией, дезинфекционная камера и прачечная. В ознаменование тридцатилетия врачебной деятельности Падучева в Рязановском отделении больницы была открыта палата с бесплатным лечением и повешен портрет Владимира Александровича.

Нет худа без добра. За год до войны брат окончил десятилетку и поступил в институт, а всех его одноклассников призвали в армию. Брата эта участь миновала – для приличия сказали, что забракован по зрению. Он, как и я, имеет легкую близорукость. Все, абсолютно все его друзья по школе сложили свои головы уже в первый год войны. Но все-таки худа больше, чем добра. Осенью 1941 года мать вызвал милицейский начальник и приказал покинуть город в 24 часа. Предлагалось отбыть на все четыре стороны, в любой сельский район области. Власть интересовала наша, теперь уже единственная, комната – надо было принимать эвакуированных из Москвы наркоматовских чиновников. Помню, вернувшись из милиции, мама с горечью, но совершенно спокойно рассказывала, как на ее слова о наших конституционных правах микрочастьник заявил: «Сталинская конституция написана не для тебя и твоих выроdkов».

Что делать? Остатки имущества были вынесены в дровяник на попечение соседей, старший «выродок» перебрался в студенческое общежитие, а мы с мамой оказались в совершенно незнакомой и непривычной сельской глубинке. Практически в ссылке. Мама сильно болела, зарабатывала что-то шитьем. Для нее это было очень тяжелое испытание. Мне было легче. Зимой я ходил в школу, а с апреля по октябрь очень упорно, но почти даром трудился в колхозе. Жизнь моя обогатилась опытом деревенской жизни и работы на земле. Недоедание стало постоянным нашим спутником; тяготило и особое положение в непривычной среде. Как очень светлое событие воспринял в январе 1943 года призыв в армию. Патриотические чувства, мальчишеский романтизм, а главное возможность быть «как все» и питаться «как все», двигали моим сознанием. Хорошо, что в данном случае мой статус сына «врага народа» не мешал реализовывать конституционные обязанности. Не помешала этому и близорукость.

Репрессивное давление стало постепенно ослабевать после смерти Великого Вождя. В 1955 году, оканчивая в Москве институт, я написал на Урал маме с братом о том, что решил обратиться с ходатайством о пересмотре дела отца. Они довольно долго молчали, а ответное письмо я получил от жены брата, которая ненавязчиво убеждала, что вроде бы все затихло, их давно никто не тревожит и не ограничивает, поэтому лучше не «возникать». Но мне хотелось определенности, да и внутреннее чувство подсказывало, что «нехорошее время» заканчивается, и уже появились в обществе ростки трезвой справедливости. Свое ходатайство¹⁴ я подкрепил посещением каких-то приемных с оставлением там заявлений об ускорении процесса. И вот в 1957 году я сижу в кабинете главного каширского кагэбэшника (тогда я там работал и жил).

«Вот эту бумагу, – протягивает он мне половину серенького листа, – ты возьмешь с собой¹⁵, а эту – тут он передает целый листок – я должен зачитать тебе вслух, не давая в руки, но посмотри ее сам. Свидетельство о смерти выдаст ЗАГС. Они тебя сами вызовут».

С собой я мог взять справку военной коллегии Верховного суда СССР, которая гласила, что дело Горина Николая Порфирьевича, до ареста 20 февраля 1938 года работавшего профессором в Свердловском индустриальном институте, пересмотрено Коллегией 30 апреля 1957 года. Приговор от 8 августа

¹⁴ Прошение Н. Н. Горина о пересмотре дела отца датировано 17 ноября 1955 года.

¹⁵ Расписка Н. Н. Горина, подтверждающая получение справки о реабилитации Н. П. Горина, датирована 31 мая 1957 года.

1938 года по вновь открывшимся обстоятельствам отменен, и дело за отсутствием состава преступления прекращено, а сам Н. П. Горин реабилитирован посмертно. Штамп, печать, подпись, герб Советского Союза. В этой коротенькой справке не раскрывается, что это за дело, в чем состоит приговор, какие обстоятельства открылись вновь и что послужило причиной смерти. Кое-что объясняла вторая бумага, которую я, прочитав, тут же отдал обратно. В ней говорилось, что отец обвинялся по таким-то статьям как глава подпольного эсеровского повстанческого центра на Урале и был приговорен к расстрелу с конфискацией имущества. Бумага порождала вопросы: когда, где и был ли вообще приведен в исполнение приговор; причем здесь конфискация имущества, если у нас отобрали только двустолку и злополучные гильзы. Но задавать вопросы было некому – передо мной сидел человек, который знал об этом не больше меня, но если бы и знал, то отвечать не стал бы ни при каких просьбах.

Через два-три месяца меня пригласили в ЗАГС. Пожилая женщина выдала мне свидетельство о смерти: 15 июня 1943 года, с прочерком в графах о причинах и месте смерти. Женщина извинилась, сказав, что она задержала выдачу свидетельства, послав куда-то дополнительный запрос.

«Дело в том, – пояснила она, – что сейчас через меня проходит много подобных свидетельств за давно прошедшие годы. Если 37-й или 38-й годы, то прочерки в соответствующих графах понятны – расстрел. А в более поздних свидетельствах, как правило, указывают конкретную причину смерти и ее место: эти люди погибли в лагерях. У вас же 43-й год и прочерки». Но сверху ей ответили, что так надо и не ее это дело выяснять подробности.

Тут я вспомнил рассказ матери о том, что еще в 1945 году ее вызвали в областное управление НКВД и непроницаемый начальник, глядя в какую-то бумагу, сообщил ей о смерти отца также 15 июня 1943 года. На вопрос мамы, где и от чего, начальник ответил: «Знать не положено». Никакой справки ей тогда не выдали, и мама предпочитала считать эту информацию сомнительной. Надежда еще теплилась в ее сердце.

И все-таки через 20 лет были получены документальные ответы на главные вопросы: отец не виновен, а ждать его возвращения нам бесполезно. После их получения мама прожила только несколько недель. Надежда погасла, жить стало незачем. Я до сих пор жалею, что торопил нашу «Фемиду».

Неясность документов порождала домыслы. Если отца осудили к расстрелу в 38-м году в Свердловске, а умер он по неизвестной причине и неизвестно где через пять лет, то, значит, приговор не был приведен в исполнение; значит, он, возможно, был пересмотрен и заменен чем-то другим. Но все эти вопросы казались мне уже несущественными. Со временем даже нашелся живой человек, вернувшийся из лагерей, который рассказывал, что в 43-м году команду заключенных везли на барже по большой сибирской реке. И один из несчастных, по прозвищу «математик», бросился в воду. Хотел ли он утопиться или сбежать, неясно, но из воды он не вышел. Этот рассказ непосредственного свидетеля объяснял многое, кроме самого важного: как НКВД могло смягчить приговор?

Со временем у меня появилось желание все это окончательно прояснить, а главное узнать место, где похоронен отец. Шлю повторные запросы, и вот уже в 1989 году сижу в приемной на Лубянке, и представитель нового поколения чекистов рассказывает мне все по порядку и даже готов отвечать на вопросы, так как полностью знаком с делом. Прошли годы, изменились нравы;

сидящий передо мной человек не имеет того примитивного, таинственного и спесивого вида, как его предшественники. Похоже, вполне нормальный парень. Очень многое уже опубликовано и стало понятным. Почти развеялся плотный туман зла и лжи, стоявший над страной более половины века. В газетах помещены старые документы. Вот этот имеет прямое отношение к нам: Постановление Политбюро ВКП(б) – карательный план-разверстка по областям на 1938 год. По Свердловской области должно быть расстреляно 2500 человек.

Я планов наших люблю громадьё!
Планы партии – в жизнь!

Отца «забрали» в феврале, в августе¹⁶ утром за считанные минуты осудили, а вечером еще быстрее прикончили. Технология репрессивного конвейера хорошо отлажена и работала без сбоев. Обвинение с начала до конца выдуманно самими обвинителями. «Впрочем, – говорит собеседник, – это был уже второй эсеровский центр, запасной, по их версии. Первый они сами придумали и сами ликвидировали еще в 37-м году. Никакой политикой, а тем более подготовкой восстаний ваш отец не занимался».

Называются фамилии изобретателей многочисленных вражеских центров, отправивших на тот свет многих людей, в том числе и отца. Теперь меня ни эти плохие люди, ни их фамилии совсем не интересуют.

Видимо, мне в утешение человек напротив продолжает: «Но их всех через год тоже расстреляли. Но не за их несправедливые дела, а по такому же нелепому обвинению, придуманному уже другими специалистами¹⁷. Вам, – говорит он дальше, – выдадут новое свидетельство о смерти с реальной датой, где причина смерти однозначна – расстрел, а место – Свердловск».

Все прошлые сообщения о смерти в 43-м году не что иное, как кощунственное желание во имя статистики «списать» сотни тысяч жертв режима за счет военных потерь. Было и такое постановление партии.

Спрашиваю: «Фигурируют ли в деле стреляные гильзы?»

Отвечает: «Да, – и добавляет, – у вас было конфисковано охотничье ружье. Вы можете получить компенсацию – 54 рубля 21 копейку».

«А где конкретное место погребения?»

«Этого сейчас уже никто не знает, – и, помолчав, добавил: – к сожалению».

Разговор окончен. Все предельно ясно. Мне вручается взятая из дела папина профсоюзная книжка с последней его фотографией. Иронически улыбаясь, с нее смотрит молодой, похожий на меня человек.

За что? Во имя каких целей погибли миллионы невинных, в расцвете сил, полезных для страны людей?

Долгие размышления, личное осознание эпохи, знакомство с некоторыми исследованиями подвигают меня высказать свою версию. Трудно объяснить

¹⁶ Суд над Н. П. Гориним состоялся 8 августа 1938 года.

¹⁷ Д. М. Варшавский, заместитель начальника Управления НКВД по Свердловской области, подпавший постановление об аресте Н. П. Горина, был арестован 15 февраля 1940 года и осужден по ст. 58–7 и 58–11 УК РСФСР, т. е. за использование государственных учреждений... или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций и за участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из вышеуказанных преступлений, на 12 лет лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях.

все это только злой волей Великого Вождя и его подручных. Масштабы трагедии заставляют искать более весомую, глубинную причину. Развитие человеческого общества невозможно без мощного основного стимула, определяющего поведение людей, стимула, позволяющего реализовывать их вековое стремление к личной безопасности и благополучию. Ликвидация частной собственности лишила людей стержня в их естественном стремлении к обогащению, и, чтобы заставить людей работать, было пущено в ход насилие, породившее чувство страха и послушания. Этот способ известен еще со времен Римской империи и успешно применялся в нашей стране во время Гражданской войны. Чтобы заставить активно действовать не желающих это делать людей, убивали каждого десятого. Такая процедура называлась децимацией. Так вот, «ежовщина» и была разновидностью этой самой децимации.

Сомнительно, что ее обосновал сам Великий Вождь, просто это был единственный способ выжить для той, лишенной естественных побуждений к труду системы. Не было бы такой децимации, и власть коммунистов долго не продержалась. Римляне децимацию осуществляли по жребию, во время гражданской войны «пускали в расход» тех, кто случайно оказался десятым в строю. А при коммунистах специальный аппарат НКВД определял людей, которые получше, формировал смехотворное по сути и ужасное по последствиям обвинение, а остальное было делом техники. При этом все покрывалось плотной завесой многозначительной тайны, что намного ужаснее методов древней децимации.

Страх, который нагнали шустрые специалисты в 30-х годах, хватило на половину века, пока не сменилось поколение. Затем общество постепенно стало отходить от этого кошмара и... перестало хорошо работать.

Карательное знамя вручили коммунистам их классики, провозгласив загадочную форму диктатуры пролетариата, но не определив методов ее осуществления. Способ насаждения всенародной покорности, по-видимому, естественно вырос на обильно политой кровью почве Гражданской войны и был подхвачен и усовершенствован бездушными людьми, оказавшимися на вершине власти. Обстоятельства той трагедии заставляют и убежденного атеиста поверить, что на свете существует и эффективно действует дьявол. Размах карательных операций, их наглая извращенность, полная безнаказанность и попрание всего святого вряд ли могли явиться сами по себе. Без какой-то высшей злой воли дело тут не обошлось.

В конечном счете пострадал народ, но руками этого же народа возводилось и укреплялось зловещее здание произвола и убийств. Откуда вдруг взялось столько доносчиков, палачей, лжецов и «жополизов», не говоря уже о великом множестве людей с нечистой совестью, которые прекрасно знали о невинности конкретной жертвы? Страх парализует волю человека – это так. Но как может состоять общество из одних слабодушных людей?

Хотелось бы верить, что такие времена для России навсегда остались позади.